Анастасия Графеева

16+

Гостьи

повесть

Анастасия Графеева

Гостьи

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Графеева А.

Гостьи / А. Графеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Девятнадцатилетний Павел узнает о смерти своего отца, которого он никогда не знал, и о том, что тот оставил ему квартиру в другом городе. Павел отправляется в город Липецк для вступления в наследство. И там он по крупицам собирает образ своего отца, отражённого в глазах незнакомок, заглядывающих к нему в гости.

© Графеева А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Анастасия Графеева
Гостьи

1

За окном мельтешит однообразье. Не утомляет. Кажется, успокаивает. Впервые я так далеко от дома. Впервые на поезде. Еще и сам, один, все по-взрослому. Хмурые попутчики каждый в своем телефоне. Им скучно, позевывают, торопят время. А я нет, не тороплю, ведь кто знает, каким окажется тот город, в котором мне выходить? И что за человек меня там встретит? Как с ним говорить? Сказать ему: «Здрасте» или «Здравствуйте»? Как себя назвать – Пашей, Павлом, а может Павлом Алексеевичем? И вообще, как я его узнаю?

Обнаружил, что спать в поезде не могу. Жаль, очень на это рассчитывал. Думал, хоть высплюсь после сессии. Учил днями и ночами, сокурсникам, позевывая, говорил, что всю ночь кино смотрел, чтоб не прослыть зубрилой. И сдача была нервная, вроде все учил, все знаю, а у самого ноги подкашиваются, руки трясутся, заикаюсь. Выехал, можно сказать, на авторитете. Так и сказали: «Мы знаем, что ты знаешь. Переволновался».

Да, переволновался. И с сессией, и с этим неожиданным звонком.

Позвонили, значит, спросили меня. Я это понял, потому что мама сказала в трубку: «Да, все верно, я его мать. А кто говорит?». Потом долго слушала, теребила не в чем неповинную занавеску, в конце сухо так сказала: «Да, я поняла. Я вам перезвоню». И шмыг на кухню, на меня даже не посмотрела. Я за ней.

– Это кто был? – спрашиваю.

– Никто. Ты есть будешь?

– Нет, пока не скажешь, – пошутил так.

Мама разлила по тарелкам борщ, мы сели за стол напротив друг друга. Признаюсь, все это было интригующе. Особенно мамино лицо: серьезное, озабоченное и как будто даже недоброе. К еде она не притронулась, хотя с работы прибежала и с порога мне: «Я такая голодная, ставь разогревать!»

– Отец твой умер.

– А-а, – разочаровано ответил я.

Вот тебе и вся интрига. Теперь можно и борща поесть.

– Квартиру тебе оставил.

А вот это уже интересно! Моя рука с кусочком хлеба так и зависла над столом.

– Круть! – восхитился я вслух.

– В Липецке, – добавила она.

– Не очень круть, – признался я удрученно, и наконец, принялся за борщ.

Собственная квартира – это конечно мечта. Собственная квартира в Липецке – это проблема. А проблемы в нашей семье решает мама. Она за это и принялась, не откладывая:

– Надо ехать, вступать в наследство, продавать квартиру, – как будто не мне говорила она. Просто составляла план действий.

Мама у меня такая – умная, деловая.

– Поедешь после сессии, – заключила она.

Я чуть не поперхнулся.

– Я? А ты?

– А я там зачем? Ты совершеннолетний.

Я отложил ложку. А мама напротив, спокойно принялась за еду. Конечно, на меня все спихнула!

Как так? – недоумевал я, задыхаясь от волнения. Там же документы, квартира, ее продавать, а значит деньги, банки, а я в этом ничего не понимаю! Меня же обязательно обманут, кинут, деньги заберут, даже на дорогу домой не будет, и останусь я там липецким бомжом.

– Это точно не развод? – с надеждой спросил я.

Вдруг мама сейчас с моей подачи поразмыслит и решит, что это чья-то глупая шутка, афера, махнет рукой, и мы продолжим спокойно есть наш вкусный борщ. Но мама лишь покачала головой.

– Нет, вряд ли.

Конечно же, она обдумала мое предположение, все хорошенько взвесила, сопоставила, и сделала единственно правильный вывод: «Нет, вряд ли». Мама у меня такая.

– Ну, может ты со мной?

Попытался было я, на что мама лишь удивленно вскинула брови.

– У меня работа. А у тебя каникулы. Как раз будет чем заняться.

Она встала из-за стола, чтобы сделать нам чай.

– Да и вообще, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Это то, как раз и понятно, и про овцу, и про шерсти клок, но тут сессия на носу, теперь и всё это…

– А можно Алису с собой взять? – тихо-тихо спросил я.

Алиса – моя девушка, уже два месяца с ней встречаемся. Она тоже боевая, как мама, и с ней, как с мамой – тяжело, но надежно.

– Ты же не развлекаться туда едешь. Дела сделаешь – и домой.

Как у мамы все просто получается: съездишь, сделаешь! Она бы конечно и поехала, и все быстро и правильно сделала, но почему-то на этот раз она решила, что я должен сам. Сам.

Билет мне помогла купить Алиса. Мы сидели за компьютером в ее комнате.

– Так, смотри, последний экзамен у нас одиннадцатого. Вечером соберешь вещи, значит, билет можем взять на двенадцатое, на утро, Новороссийск- Липецк. Обратно ты когда? Или в один конец берем?

Я же говорил, она как мама – умная, деловитая.

– Не знаю, – пробубнил я и позвонил маме.

– Говорит, в один конец, не понятно же сколько времени это все займет.

Так и взяли – на двенадцатое, на утро, купе, нижняя полка, в один конец. В выборе места я полностью доверился Алисе, она ездила, она знает. Нет, все-таки было бы лучше взять ее с собой!

– Жаль, что мне с тобой нельзя, – будто прочитала она мои мысли.

– Я же не развлекаться туда еду. Дела сделаю, и домой, – мрачно процитировал я маму.

Алиса перебралась ко мне на колени и обняла меня за шею.

– А ты теперь завидный жених, слушай! Своя жилплощадь.

– Ага, в Липецке.

– Ну и что? Ты же продашь, приедешь, и купишь отдельные от мамы апартаменты.

И она туда же: продашь-купишь. У них вообще все так просто, вот сами бы и ехали.

– Купишь-облупишь, – проворчал я.

Мое смурное настроение Алиса поняла по-своему. Поцеловала меня в лоб, теснее прижала к своей груди:

– Бедненький, прости. Я понимаю, у тебя папа умер, а я дура все про квартиру…

Вот глупости. Я-то тоже про квартиру, и мама. «Папу», как она выразилась, я не видел ни разу в жизни. Ну может и видел, но так давно, что уже и не помню. Только имя его и знаю, логически выводя из своего отчества. А-а, ну и фамилию. Мама почему-то решила оставить мне его фамилию. До всей этой истории я и не знал, что он в Липецке живет. Жил.

– Да ничего, – обнял я ее за талию, потерся лицом о пышную грудь. Может в порыве жалости что-нибудь мне, наконец-то обломится.

– Мой уже пять лет как умер. Но до этого мы с ним не жили года три. Я сначала к нему в гости часто ходила, когда мы с мамой только переехали к бабушке…

Я эту слезливую историю, признаться, уже слышал. Может даже не раз. Это кажется, была ее боль. А может она просто хотела иметь ее своей болью. С болью ведь как-то солиднее.

Я гладил ее живот.

– Но потом как не приду, у него дружки, пьянки, в квартире вонь, бабы какие-то. В общем, опустился он совсем…

И я опустился, чуть ниже живота. Просунул кончики пальцев под тугой ремешок ее брюк.

– И главное, он меня не стеснялся, за стол звал. Я как-то не выдержала и говорю ему…

Опомнившись, она шлепнула меня по руке, уже воевавшей с молнией на ее штанах.

– Ты что дурак? У меня же дома все!

– А мы тихонько, – прохрипел я ей на ухо, уже понимая, что точно ничего не будет.

– Не сейчас, говорю!

– А когда?

– Как приедешь! – и сама восхитилась своей мысли – Вот едь, и знай, что я тут жду тебя…

– Ага, завидного жениха-то с квартирой – пробурчал я.

– Дурак!

Дорогой на вокзал я был мрачен. Злился на маму, на Алису. Уже не хотел квартиру, не хотел поезд, не хотел чужой город. Я, конечно, во всеоружии, приготовился противостоять чужому присутствию – телефон и наушники при мне. Они там пусть как хотят, в моем купе, но я сам по себе, я их не слышу, я их не вижу. А если будут угощать – спасибо, не надо, и даже жест заранее для того приготовил. И музыки накачал, и книжек…

В зале ожидания Алиса сказала мечтательно:

– Везет же тебе! Я думала, так только в кино бывает – умирает у тебя где-то там родственник, оставляет тебе наследство, потом ты едешь, путешествие, романтика…

Послушал Алиску и как-то сразу расправил плечи. И в поезд я уже садился путешественником, романтиком, счастливчиком, на которого неожиданно свалилось огромное состояние. Вот я сейчас поеду и всех там победю, а может побежду, и вернусь богатым и вполне бывалым, и Алиса торжественно мне вручит награду за все мои подвиги и старанья.

Чтобы сделать себе приятно еще раз вспомнил, как сказал своим женщинам, чтобы мне не писали и не звонили. «Когда нужно, сам позвоню». Сказал твердо, хмуря брови. Восхищение было в Алискиных глазах. Надо и впредь с ней построже. Да и в маминых глазах мелькнуло удивление, может даже гордость.

Зашел в купе, а там никого. Думаю, придут. Уже тронулись, а я все один. Так и ехал, в телефон и не заглянул, все больше в окно.

В ночь перед отъездом разговаривали с мамой.

Я спросил о нем. А она:

– Да я не так уж и много знаю.

Думаю: «Как так?». Но вслух удивляться не стал. Боялся спугнуть. Боялся, что вообще говорить не станет.

А она стала:

– Родился он в Казахстане.

В институте один преподаватель, рассказывал об эксперименте с блохами. Его итог гласил – блохи, рожденные и прожившие какое-то время в спичечном коробке, на воле не прыгают выше этого самого коробка. Потолок. Я думал, почесываясь, хорошо, что мы не блохи.

Не воровать в колхозных садах, не курить папкины папиросы, не пить водку тайком, из горла – не запрещено было в моем коробке, но предосудительно. Не хорошо отрываться от коллектива. Меня осуждали, но больше обо мне забывали. Я любил быть дома, когда он был пуст, или в долгих пеших прогулках, когда рядом никого. Я шел вдоль реки под жарким Алма-атинским солнцем, и мог так дойти до самых гор, но так получалось только летом, и я всегда с нетерпением его ждал. Из обязательного была только школа. Я ее посещал, прилежно выполнял задания, не любил.

Учиться хорошо было несложно и очень удобно. Удобно тем, что я становился еще незаметнее. На двоечников и нерях все время кричали на уроках, одноклассники над ними смеялись. Наверное, на них кричали и дома. На меня никто не кричал, а много хвалить было не принято.

В школе мою нелюдимость и прилежность учителя принимали за признак какого-то дарования, а может даже таланта. Приносили мне книги, спрашивали, не пишу ли я стихов, советовали пойти в музыкальную школу, поискать себя там. Но я не шел – ведь это не обязательно. Странно было искать в себе талант, когда все вокруг только и делали, что уходили на работу, приходили с нее все в мазуте, пили, ругались друг с другом, смотрели телевизор. Маргарита Павловна, учитель по физике, всё говорила мне про какую-то Москву, в которой она и сама училась, а потом вышла замуж, а мужа по распределению отправили сюда… И я даже однажды понёс домой эту Москву, дошел с ней до порога.

Мама у плиты жарила лепешки. Душная, тесная комната пахла жареным тестом и раскаленным маслом, брызги которого то и дело попадали маме на голые руки. Это как укус насекомого, только потом не зудит. Я спросил, может форточку открыть, а мама сказала, что нечего тепло выпускать. И я в этом тепле разувался, снимал шубу, шапку, с портфелем наперевес шел в комнату мимо спящего с открытым ртом отца.

Москва еще как-то существовала там, на улице, на морозе, в белом облачке моего дыхания, среди мягких сугробов и заснеженных гор. А дома был чад, который грел и обещал на обед горячие лепешки, и который в форточку выпускать было нельзя. И всякая Москва казалась там смешной и нелепой.

Я пробовал думать о ней среди зеленых гор родного Заилийского Алатау. Но не думалось на таком просторе не о чем далеком и пугающем. А думалось о том, что непременно должен существовать малыш, такой же большой как эти горы, чтобы сидеть здесь, где я, и от безделья рисовать палкой на земле у подножья квадраты вспаханных полей, линии улиц, змейкой изображать реку.

Но случилась в моей жизни Мария. Дочь начальника, приехавшего из той самой Москвы с проверкой на наш знаменитый завод, вокруг которого вертелась жизнь всего рабочего поселка. Мария была в чистом ярком платьице, с ободочком в пшеничных волосах. Она сама подошла ко мне, когда я крутился у стен завода с бидончиком в руках. Мама работала в заводской столовой, и за обеденными харчами я приходил к ней.

«Ну и дыра тут у вас», – обратилась ко мне Мария. Наверное, ей было скучно. Ей было около пятнадцати, и уже хотелось побед. А я был худой и нескладный, белобрысый, давно не стриженный, с обгоревшей кожей на носу, одет в поношенное. Я лишь пожал плечами. Вышла мама, забрала у меня бидон, недобро покосилась на девушку. Мы назвались друг другу. Она спросила, можем ли мы завтра погулять немного по окрестностям, если папа ее отпустит.

Два раза мы гуляли с Марией. Она рассказывала мне про Москву, про поезд, на котором так долго ехала сюда. А еще рассказывала, что хочет стать врачом и на следующий год собирается поступать. А у меня для нее была лишь каменистая горная речка Весновка, пыльная дорожка вдоль барачных строений, жгучее южное солнце и спасительная тень яблоневых садов.

Мария уехала, но оставила мне свою Москву, в которую ходили поезда, в которой становились врачами.

А кем могли стать мы – я и мне подобные? А нас было немало. Нас было большинство. Ведь мы уже были ни космонавты, и ни летчики, ни моряки и ни ученые. Мальчишки без страсти и призвания, без династийной профессии, без кружков по интересам, без Москвы, то есть без мечты. Мы были никто, а значит, нам было все равно кем стать. Мы жили под крышей своих родителей, мы знали их потолок, мы упирались в него головами. Не пробивали, не хотели, не знали, что можно. Мы поднимали руки верх, и трогали кирпичное здание родного завода, его дымящиеся трубы, горячие печи обжигали нам пальцы. И пусть. Пора привыкать.

Но ведь у меня была Мария. Пусть недолго, но была! И весь мой мир из гор, камней и пыли, снегов, ветров, цветов и горной мяты сузился до скудного, но судьбоносного выбора – либо завод, либо поликлиника. Конечно, если бы можно было остаться босоногим мальчишкой, беспечно гуляющим вдоль реки, я бы до сих пор там шел, пусть теперь там и асфальт.

Товарищ мой по общежитию Евгений, придумал себе как-то увлечься буддизмом. Он мне рассказал – буддисты считают, что мы еще до своего рождения выбираем себе родителей. Бред, поначалу думал я. Неужели я сам выбрал себе в мать шумную, грубую женщину, а в отцы предпочел всем другим пьяницу и размазню? А потом понял – истинно так. Я выбрал себе родителей, которые мне не мешали. Не указывали кого мне следует любить, а кого ненавидеть, не вынуждали получать пятерки, не ругали за двойки. И не помешали доучиться до десятого и пойти в институт, а не в техникум, чтобы после отправиться на родной завод. Они сделали все, чтобы я мог без сожаления поменять отчий дом на общежитие института, не держаться за мамину юбку, не желать батеного одобрения и советов. Я сделал правильный выбор. Иначе я был бы другим. Спасибо моим родителям.

2

В поезде ночевал один.

Люди подсели только наутро. Женщина и двое подростков. Подростки видимо тоже решили, что они сами по себе, что меня не видят, не слышат, и спрятались в свои телефоны. А их мама, достала лимонад и печенье. Мне предложила. Я взял печеньку, поблагодарил, а она поинтересовалась, куда я еду. Я и город назвал, и о предстоящих делах ей поведал. А она мне соболезнования. А я ей: «Спасибо, но мы не были близки». Так и разговорились. Я чувствовал себя на коне – вот еду в поезде, завязал непринужденный разговор с попутчицей, произвел на нее непременно приятное впечатление. Я молодец, я уже взрослый.

Таким вот Дон Кихотом я ехал до самого Липецка, а сошел с поезда и снова оказался собой.

– Павел Алексеевич? Здравствуйте. Я Роман. Я говорил с вашей мамой.

Искать и не пришлось, он нашелся сам. Ну как нашелся? Стоит такой, прям напротив моего вагона, высокий, стройный. Одет спортивно, но прилично, я бы даже предположил, что дорого. И вид его совсем не идет суетному вокзалу с его галдящей толпой, сумками, чемоданами, пакетами. Я как-то сразу его угадал и нерешительно направился к нему, но шел медленно, чтобы, если он всё же ждет не меня, дать ему шанс уйти, а мне не попасть впросак. Но он тоже меня угадал и протянул навстречу руку.

– Здрасте, – прохрипел я севшим от волнения голосом. Неловко откашлялся, виновато улыбнулся.

– Пойдемте, – сказал он мне и зашагал прочь от шумной толпы.

Мы сели в его автомобиль. Новый, чистый Мерседес так и сверкал на солнышке. Внутри прохладно, пахнет приятно и опять же чистота. Еще недавно я мнил себя богатым наследником, а тут весь сжался на кожаном сидении, как бедный родственник.

Тронулись. Машина, как и следовало ожидать, словно плыла по дороге, мягко и бесшумно.

Надо бы Романа поспрашивать о деле, но начать, наверное, лучше с погоды, для приличия сказать пару комплементов городу, ну и конечно его машине. Может сначала лучше тихонько, в кулак откашляться, а то вдруг голос опять подведет?

– Как добрались? – спросил Роман.

– Нормально.

Зря боялся, голос нормальный, может слегка неуверенный, но это ничего, это исправим.

– В Липецке впервые?

– Да.

Молодец Роман, сам и о погоде заговорил, плавно переключился на город и даже сам сделал комплемент своему автомобилю, когда тот красиво объехал Смартик с неопытной девушкой-водителем за рулем. И о деле тоже заговорил сам.

– С нотариусом я договорился на завтра, на девять утра. Я за вами заеду.

– Угу, – кивнул я.

Может, следует поблагодарить, или не стоит? Не стал.

А сейчас тогда куда? Может к себе меня везет? Надо же мне где-то до завтрашнего утра пробыть. Или в гостиницу? Если к себе – то неудобно как то, да и зачем ему это? Только если они с отцом хорошими друзьями были… А если в гостиницу – так это дорого. Как только останусь один, позвоню маме.

– А вы с… – сказать «папой» не смог, – отцом были друзьями? – с трудом справившись с волнением, спросил я.

– Нет. Мы коллеги. Были.

Тогда вообще все это странно. Зачем ему все это? Разыскал меня, на вокзале встретил, поедет со мной документы оформлять. Может все-таки аферист? Хотя на аферист не похож. А много ли я аферистов в своей жизни видел? Может он на Мерседесе ездит за счет таких вот, как я, доверчивых и напуганных? Нет, все-таки надо маме позвонить.

Дальше ехали молча. Роман смотрел на дорогу, я на город. Перед отъездом мы с Алисой смотрели фото этого Липецка. Я, конечно, делал вид, что мне все равно, ведь я, опять-таки, не отдыхать туда еду. Да и город, судя по фото «город, как город». У нас то в Новороссийске и море, и горы… А тут что? А один остался, стал заново смотреть. С интересом впиваясь взглядом в каждое фото. Но ничего нового не увидел: здания, клумбы, памятники. Все просто, я бы сказал, даже банально. И это меня успокоило, вселило чувство гордости за свой южный, но не курортный город, и чувство превосходства над всеми жителями средней полосы.

Но сейчас, за окном, Липецк неприятно пестрил рекламными плакатами с улыбающимися лицами. Всюду со вкусом украшенные витрины, тут тебе булки, тут кроссовки, а сюда зайдешь в рай попадешь. А я-то, честно признаться, хотел, чтобы постарее, поистрепанее, чтобы серенько, дряхленько. Чтобы множество скучных многоэтажек были безыдейно разбросаны по плоскому городишке, а одноэтажные, этакие развалюхи, ютились у них в подножии. И чтобы ненавистной мне пьяни на улицах побольше, а кафе-ресторанов поменьше. И чтобы непременно вдалеке трубы торчали, а из них валил дым густой и вонючий. Вот чего я хотел! А тут бегущие строки, бегущие с работы люди, мамашки с колясками гуляют по зеленому скверу, молодежь с бритыми висками на скейтах у фонтана, хорошие машины на так-себе дорогах. И все это под огромным голубым, без единого облачка, небом. В общем, все не так плохо, чтобы мне стало хорошо.

Свернули с дороги во двор многоэтажного дома. Дом в пять этажей, в три подъезда, во дворе березка, песочница, унылые ржавые качели. Ну, хоть качели не подвели. Да и подъезд оказался то, что надо! Шли по лестнице вдоль облупленных стен. На подоконнике давно засохшее растение в горшке, баночка с окурками. Пахнет гадко. Поднялись с Романом на второй этаж.

Спутник мой достал из кожаной барсетки ключ и протянул его мне. Я смотрел на ключ в своей руке и думал о барсетке. Разбогатею обязательно себе такую куплю. И Мерс!, как бы вдогонку додумал я. А Роман уже прощался. Еще раз напомнил про завтра, про утро, и удалился.

И я растерянный остался стоять перед дверью с ключом в руке. И тут впервые я подумал о том, что ничего не знаю об Алексее (здесь же и решил, что буду так его называть). Может он алкоголик? Может за дверью разруха, тараканы и вонь, похлещи этой подъездной? Может из брезгливости Роман в своем чистом костюмчике и не зарится на квартиру? Глянуть то, наверное, в любом случаи стоит, мне же ее еще продавать. А переночевать и вправду лучше в гостинице. Я воровато огляделся по сторонам и вставил ключ. За спиной раздались голоса. Кто-то вошел в подъезд и поднимался по лестнице. Будто застигнутый на месте преступления, я в считанные секунды отворил дверь, прошмыгнул внутрь, и с грохотом закрыл ее за собой.

В коридоре было темно. Я скинул с плеч рюкзак, поставил его у самой двери. Медленно, настороженно прислушиваясь к голосам за дверью, не снимая ботинок, сделал несколько шагов вперед. Коридор оказался коротеньким, и я очень быстро очутился в комнате. Как я понял позже, единственной комнате в квартире, не считая кухни, ванной с санузлом. Серые жалюзи на большом окне были опущены, в комнате прохлада, полумрак.

На стенах серые обои – красивые, рисунок рельефный, будто шелковой нитью вышитый. Помню, мама на такие в магазине засматривалась, но они нам не по карману. Диван под цвет, только на несколько тонов светлее. Добротный диван, раскладывается, наверное. По правую руку встроенный в стену шкаф – огромный, по ширине всей стены. По левую, письменный стол с идущими верх по стене, до самого потолка, книжными полками. Кондиционер. Ну еще и идеально-гладкий белый потолок, отражающий бледно зеленый, ковер на полу. Впрочем, это – всё. Такая вот холостятская комната. Минимализм во всем. Никаких тебе сувениров, картин, фотографий в рамочках. Только один атавизм – полки с книгами. Но вроде это снова в моде. Модно быть ценителем бумажных книг.

Посмотрел на ковер, потом на свои ботинки, стыдно стало. Уже нагнулся, чтобы разуться и передумал. Я у себя, подумал я. Но на кухню направился опять же крадучись.

На кухне был уже посмелее, перешагнул порог. Кухня маленькая. В ней стол у окна, раковина, тумба, навесные полки. Открыл одну крайнюю: посуда – тарелки, стаканы, бокалы для вина, пепельница. Признаюсь, в холодильник я бы заглянул с большим удовольствием. Уж очень я успел проголодаться. Нервы, как-никак. Но холодильника не было, как, впрочем, и газовой плиты. Была кофемашина, электрический чайник, банка с кофе, сахарница, пачка чая с ромашкой, салфетки. Любопытство взяло верх, и я захлопал поочередно дверцами шкафчиков. Нашел ложки, вилки, штопор, пару бутылок вина. Обнаружил встроенный в шкаф холодильничек. Открыл, а там стоит одинокая пачка сливок. Вот и все. А, ну и мусорный бочок. Пустой. Везде чисто как в музее, ни пылинки, ни соринки, ни тараканьей ножки. Едой не пахнет ни в прямом, ни в переносном смысле.

Вернулся в комнату. На этот раз разулся, и смело ступил на мягкий ковер. Подался искушению и провел по нему ладонью. На таком бы спать, а не под ноги стелить. Открыл жалюзи. Вид из окна так себе, на ту самую детскую площадку со ржавыми качелями. Зато стекло – будто его и нет вовсе, такое чистое. Хватило же ему денег такой ремонт забабахать, мебель дорогую купить (а я уверен, что она дорогая, у нас с мамой такой нет), ковер опять же, так не лучше бы было сначала квартирку поприличнее купить? Побольше, в райончике получше, да чтобы в подъезде не воняло?

А напротив меня шкаф, так и манит своей предсказуемостью. Чувствую, вот открою его сейчас, а там все серо-белыми стопочками. Знал, а все равно подошел, открыл. Тьфу. Что за любовь к симметрии?! Почему носы ботинок не могут смотреть в разные стороны? А галстуки? Их, что еще кто-то носит? Ужасно, ужасно меня раздражает человек, оставивший после себя весь этот нежизнеспособный порядок. Черт с ним. Продам квартиру вместе с ее порядком, уеду

домой, забуду. Захлопнуть бы с размаху дверцы шкафа, да не смог себе позволить, тихонечко прикрыл.

Сел на диван, достал телефон. Интернет ловит – жить можно. Может Алиске позвонить? Нет, рано еще. Еще не нагеройствовал.

Может издержки профессии, всё думал я о чистоте. Мама вроде говорила:

…Врачом был.

В институте я проникал в человека все глубже и глубже. Удивлялся, восхищался, привыкал. Делил человека на части, рассматривал их по отдельности, а потом эти части еще раз на части… А человек всё не кончался, сколько его не дели. Я познавал в том величие замысла. Постигал смыслы вмешательства человека в человека. Научался по звуку, по запаху, по мельчайшим деталям распознавать сбои в системе. Идеальной системе, гениальной системе. Я читал, изучал, заучивал наизусть судьбы тех, кто смог это всё до меня, смог так, как у меня никогда не получится. Я не стремился стать одним из них, мне было просто интересно.

Иногда, поначалу, когда еще всему удивлялся, смеялся над собой – куда мне теперь женщину любить, когда она так понятна. Я уже знал, какая Мария и все другие девушки, там, под своими красивыми яркими платьями и глубже. А еще я знал, почему это знание не уменьшает моего интереса к ним. Бывало, я казался себе всесильным. Так много я понимал, водя руками по анатомической карте, смотря в микроскоп, а позже и в самого человека. Смерть уже начала казаться понятной, потому что я научился видеть ее следствием сбоя системы. А значит она не пугала, не смущала. А жизнь…

Аня часто видела, как приходят в жизнь. Знала наизусть систему зарождения и развития нового человека. Но каждый раз встречала его, как чудо. Я говорил ей: «Ты же видела человека в разрезе. Нет там чудес. Только процессы». Издевался, конечно. Я ведь и сам предчувствовал чудо, только отмахивался от него.

Аня была на курс старше, медсестра. Практику проходила в роддоме, где собиралась остаться по окончанию учебы. В детстве, помнится, я лишь раз лежал в больнице. Там и наблюдал медсестер. Мне казалось, что если они будут хорошо работать, то обязательно станут докторами. Когда узнал, что это не так, стало за них обидно, досадно. И признаюсь, принес это чувство из детства в институт. Я и там негодовал – зачем быть медсестрой, когда можно сразу доктором? Спросил у Ани. Она рассмеялась, сказала, что не хочет быть доктором. Как так?

Еще Аня говорила, что станет моей женой. Говорила, что у нее всегда так – что пожелает, то сбывается. Но желать она может только за себя. Я говорю: «Это как так? Ты, значит, станешь моей женой, а я твоим мужем не стану?» Но Аня была уверена, что тот, кто исполняет ее желания, очень придирчив к формулировкам. И она так и загадала – «быть моей женой». Я формулировку оценил, ведь не *стать*, а *быть*.

То, что происходило со мной по ее вине, тоже было легко объяснимо. Учащенный пульс, беспокойный сон, необоснованное чувство радости, а за ним погружение в меланхолию, апатию. Будто из кипятка в ледяную воду и обратно. Всего лишь симптомы, процессы. Я знал, я себе объяснял, но ощущение чуда не покидало.

Практику проходил в поликлинике. И здесь окружающие неверно истолковали мою нелюдимость. Все верили, что это признак мастерства, глубокого знания. И люди, ожидающие приема у двери моего кабинета, надеялись, что я окажусь тем самым молодым специалистом с «призванием», врачом от Бога. Им было бы досадно узнать, что я – это всего лишь я, изучивший их механизм, познавший их систему, негодующий, почему при всей гениальности изобретения она так слаба, что они сейчас стоят за моей дверью, жалуются друг другу, ругаются, знакомятся.

А Аня, раньше меня окончившая институт, уже работала в роддоме. Теперь виделись редко. Она работала сменами. Иногда я приходил встречать ее с работы. Рано утром мы сидели

на скамейке у роддома, прежде чем разойтись по общежитиям. Парни, с которыми я жил в одной комнате, по очереди водили в нее девчонок. На это время остальные должны были «гулять». Я им не завидовал. Я бы не привел Аню туда.

Я ее приобнял, а она отстранилась. Конечно, нас могли увидеть из окна. «Нужно пожениться», – серьезно сказала она, – «Тогда комнату отдельную в общежитии дадут».

Так и сделали. Аня побегала, похлопотала, дали комнату в малосемейном общежитии. Я остался работать в поликлинике, а Аня продолжала встречать новых людей. Как-то перед сном, в темноте, она сказала мне тихо, еле слышно: «Я ребеночка нам загадала».

Но чуда как-то не случалось…

3

Сижу, копаюсь в телефоне, и ловлю себя на мысли будто жду чего-то… Или кого-то. Будто заворочается сейчас ключ в замке и войдет в комнату истинный хозяин квартиры. Знать его не знаю, в глаза не видел, а чувствую его в каждой вещи этой пижонской квартиры.

Мы вот с мамой вдвоем живем, два взрослых человека, каждые выходные вместе убираемся, и никогда у нас нет такой чистоты, не бывает так свежо. У нас вещи на спинке дивана, бесчисленные коробки на шкафах, пахнет то супом, то макарошками. А у этого кухня стерильна. Кофе он питается что ли? Кстати, о еде. Кушать хочется…

Перед тем как отправиться на поиски съестного, зашел в ванную комнату. Унитаз, раковина, душевая кабинка теснились в одной крошечной комнатушке. Все, конечно же, начищено до блеска. Ожидал увидеть полки, заставленные предметами личной гигиены, как и положено такому пижону. Но на полочке у зеркала их оказалось немного: тюбик зубной пасты, зубная щетка, станок для бритья. В мыльнице кусок мыла, на крючке мочалка. Аскетично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.